

той, какой эта форма служила в народном творчестве».²² Он мог сделать это под воздействием фольклора. «В связи с общей демократизацией и авторской и читательской среды» фольклор широко вошел в литературный обиход. Возможно, кроме того, облекая свой рассказ в живую и широко доступную читателям новую форму изложения, он рассчитывал «вызвать к себе сочувствие и за пределами своего класса».²³

Вполне соглашаясь с этими высказываниями В. П. Адриановой-Перетц, замечу кстати, что в работе «Русская демократическая сатира XVII века» (1954 г.), где В. П. Адрианова-Перетц отрицает авторство Фуникова, она совершенно не касается вопроса о соответствии или несоответствии народно-юмористического, фольклорного стиха социальному положению неизвестного автора.

Вообще первоначальная интерпретация «Послания дворянина к дворянину», данная В. П. Адриановой-Перетц в статье «Исторические повести XVII века и устное народное творчество» (1953 г.), мне представляется более вытекающей из самого произведения, его содержания и формы, и высказанными здесь несколькими замечаниями мне хотелось бы поддержать именно такое истолкование этого своеобразнейшего памятника начальных лет «Смуты».

²² ТОДРЛ, т. IX, стр. 75—76.

²³ ТОДРЛ, т. IX, стр. 76.